

Чэнь Исинь с отвращением поглядывал на глиняный горшочек, но саженец духа Вэньжэнь Ли был буквально ошеломлён. С тех пор как две тысячи лет назад он укоренился в этом месте, люди, случайно забредшие в городок, не были редкостью, и многие пытались забрать его с собой, но все их попытки заканчивались неудачей.

Горшочек Чэнь Исиня явно был необычным. Пока Вэньжэнь Ли размышлял над этим, его уже привязали к поясу и вынесли из городка.

— Под храмом Бога Города лежат бесчисленные останки. Я подозреваю, что жители городка вовсе не люди...

Чэнь Исинь произнёс это, лишь когда они оказались далеко от городка.

Если это не люди, то, несомненно, какие-то людоеды или кровожадные духи. Именно поэтому он переживал, что этот едва обретший разум саженец может быть поглощён.

Он снова посмотрел на дрожащий бутон саженца и нежно погладил его.

— Не волнуйся. Если мы не сможем сражаться, мы всегда сможем сбежать. Когда-нибудь, когда наши силы возрастут, мы вернёмся, чтобы освободить их.

Чэнь Исинь ни на секунду не сомневался, что саженец может быть чем-то зловещим. Помимо того что он был практикующим с исключительной ледяной духовной корневой системой, он также обладал уникальной физической конституцией. Это было установлено ещё при его рождении в клане Чэнь из Чжэньхая, но всё это время скрывалось с помощью специальных методов.

На этот раз, оказавшись в опасности, Чэнь Исинь сам снял один слой печати. Даже этого было достаточно, чтобы он начал ощущать нечто особенное: странности городка, необычайно чистый разум саженца и многое другое.

Продолжая разговаривать с саженцем, Чэнь Исинь изучал древний кулон, который он нашёл под храмом Бога Города. Он чувствовал, что этот предмет может быть полезен, поэтому взял его с собой.

— Похоже на карту, жаль, что только треть...

Он пробормотал это, легонько ткнув саженец.

— Ахуа, ты что, спишь? Если будешь спать, я снова тебя потрогаю.

С этими словами саженец, который уже начал опускать бутон, снова оживился.

Чэнь Исинь улыбнулся, но на этот раз не засмеялся. Вокруг них уже полностью стемнело. Продолжая идти вперёд, они слышали то приближающийся, то удаляющийся ветер. Лететь над равниной Сигуан было бы равносильно самоубийству, поэтому они могли только идти пешком.

Чэнь Исинь шёл всю ночь до рассвета, но вокруг по-прежнему расстилались бескрайние пески, ничем не отличающиеся от тех, что он видел раньше. Найдя место, защищённое от ветра, он достал из сумки кусок шёлка, расстелил его на земле и сел.

— У моего учителя есть облако размером с кулак. Я трогал его, оно очень приятное. Если бы оно было больше, я бы мог использовать его как коврик — чисто и удобно...

Но в данных условиях ему приходилось сидеть на шёлке, расстеленном на песке.

С отвращением он снял саженец с пояса, взял его в руки и начал медитировать.

Через несколько мгновений нефритовый кулон на его шее взлетел, и поток светло-голубого света устремился в его лоб. Чэнь Исинь снял ещё один слой печати. Его внешность не изменилась, но с проникновением света его аура претерпела кардинальные перемены.

Он сиял, словно небожитель, сошедший на землю.

Когда казалось, что столб света вот-вот взметнётся в небо, саженец слегка дрогнул, и все странные явления вокруг Чэнь Исиня исчезли.

Через два часа он медленно открыл глаза. Его взгляд, полный мощи, на мгновение задержался, а затем смягчился. Он снова нежно коснулся саженца, а затем улыбнулся, одновременно зловеще и привлекательно.

— Я нашёл ключ. Похоже, мы сможем войти в Уединённую Обитель Сжигающих Небеса раньше, чем планировали.

С этими словами он бросил древний кулон, и чёрно-красный световой шар появился, указывая им путь.

Чэнь Исинь встал, собираясь продолжить путь с саженцем на руках, но тот слегка дрогнул. Горшочек, в котором он рос, быстро уменьшился и оказался на его бутоне. Корни саженца обвилились вокруг одежды Чэнь Исиня, и он, кряхтя, забрался ему на плечо, где и остановился.

Чэнь Исинь поднял левую руку и схватил саженец, который с таким трудом забрался на его плечо. Он прищурился, глядя на саженец с горшочком.

— Ну, молодец, ещё и меня презираешь.

До сих пор он ласкал только этот саженец, на котором даже листьев не было, и тот явно выражал своё недовольство.

Он снова ткнул пальцем, и горшочек слегка приподнялся. Он открыл рот и взял бутон в рот, но не почувствовал ничего особенного — лишь лёгкий аромат растений. Вкус был приятным.

Чэнь Исинь сделал несколько шагов вперёд, а затем выплюнул бутон. Увидев, что корни саженца стали розовыми, он удовлетворённо улыбнулся.

— Я твой спаситель. Ты можешь презирать кого угодно, но не меня, понял?

Саженец застыл, не реагируя на слова Чэнь Исиня. Даже его уникальная физическая конституция не могла уловить настроение этого духа. Всё было пусто, словно саженец пережил огромное потрясение. Но ведь он просто лизнул его.

Размышляя об этом, Чэнь Исинь всё же проверил бутон саженца. Убедившись, что он по-прежнему не реагирует, он снова надел на него горшочек. Однако саженец оставался розовым и пустым, и лишь через три дня постепенно пришёл в норму.

Чэнь Исинь успел познакомиться с характером саженца. В эти дни он не раз говорил ему ласковые слова, и даже когда ему хотелось подразнить его, он старался не перегибать палку. Больше он не повторял того, что сделал с бутоном.

— Вот мы и пришли, — сказал Чэнь Исинь, пройдя по песчаной равнине целых десять дней, прежде чем нашёл небольшой холмик.

Он снова расстелил шёлк, удобно устроился и начал управлять своим духовным мечом, чтобы копать землю, одновременно болтая с саженцем.

— Ахуа, Ахуа, я виноват, ладно?

Чэнь Исинь говорил серьёзно, но мягко, с искренностью.

Корни саженца постукивали по плечу Чэнь Исиня, словно размышляя. Через некоторое время они ткнули его в шею, как бы соглашаясь.

Этот горшочек был очень важен для него, и ради него он не мог обижаться на Чэнь Исиня.

Чэнь Исинь приподнял бровь, его искренность и серьёзность исчезли. Он снова схватил саженец и провёл по нему рукой.

— Холодный и приятный на ощупь. Ахуа, ты такой мягкий.

Чэнь Исинь был человеком крайне привередливым. В Секте Нефритового Треножника, включая его учителя Юнья-цзы, все уже устали от его капризов. Сколько бы они ни пытались найти для него что-то ценное, мало что могло удовлетворить его вкус.

Но этот застенчивый и забавный саженец явно был исключением. Чэнь Исинь действительно очень любил его.

Саженец снова порозовел, но теперь он был гораздо спокойнее, чем в первые дни, когда Чэнь Исинь начал его дразнить. Они продолжали сидеть у холмика, и Чэнь Исинь копал целый месяц, прежде чем прорыл тоннель, достаточно широкий для одного человека.

Он убрал свои вещи в сумку, и с саженцем на плече они вошли в тоннель.

— Ахуа, быть таким застенчивым нельзя. Я твой спаситель, и всё, что я делаю с тобой, должно быть правильным.

Чэнь Исинь говорил это с уверенностью, словно выкопав саженец из городка и увезя его, он совершил подвиг, за который тот должен быть вечно благодарен.

— Если не понимаешь, ничего страшного. Просто запомни это.

Он наклонился и коснулся губами горшочка на бутоне саженца. Он с отвращением скривился.

— Всё же Ахуа приятнее целовать...

Саженец покачивался, пока они шли дальше. Через полчаса, прежде чем Чэнь Исинь достиг настоящего входа, саженец сделал горшочек ещё меньше, так что он едва держался на кончике бутона.

Чэнь Исинь снова наклонился и поцеловал его, а затем похвалил.

— Ахуа, молодец.

Саженец снова порозовел, но не стал возражать. Лучше пусть Чэнь Исинь целует его бутон, чем горшочек.

Ещё через некоторое время саженец пошевелил корнями, показывая своё пренебрежение к похвале, но когда Чэнь Исинь снова наклонился, он снова подал корни вперёд.

Чэнь Исинь улыбнулся, полностью принимая капризы саженца. Но он знал, что нашёл его слабость: он боялся поцелуев, прикосновений и особенно того, чтобы его брали в рот. Но Чэнь Исинь лишь хотел быть ближе к нему, не причиняя вреда.

— Когда мы войдём в Уединённую Обитель Сжигающих Небеса, если найдёшь что-то полезное для себя, не стесняйся.

<http://bllate.org/book/15419/1363760>